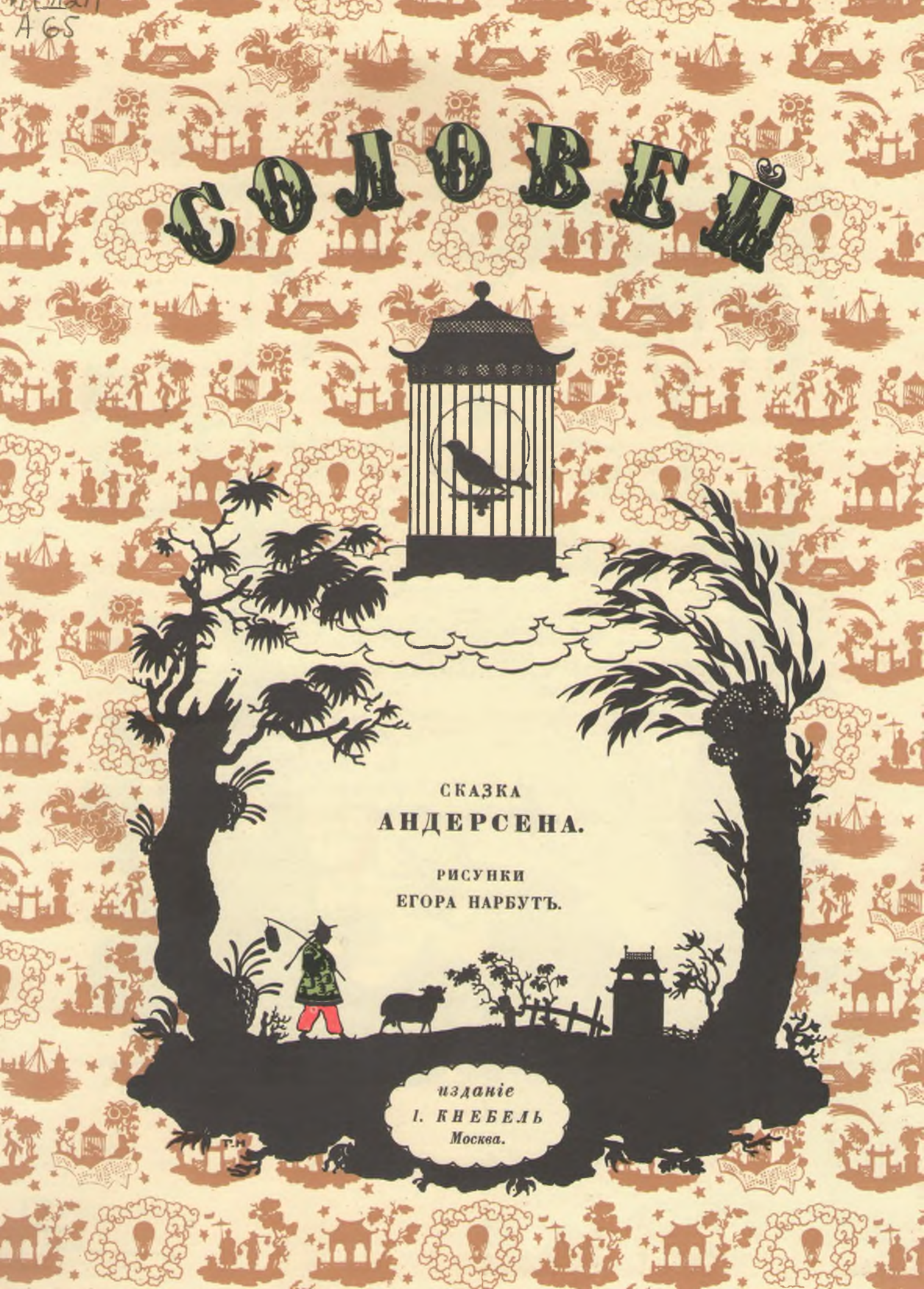
Детская
А 65

СОЛОВЕЙ



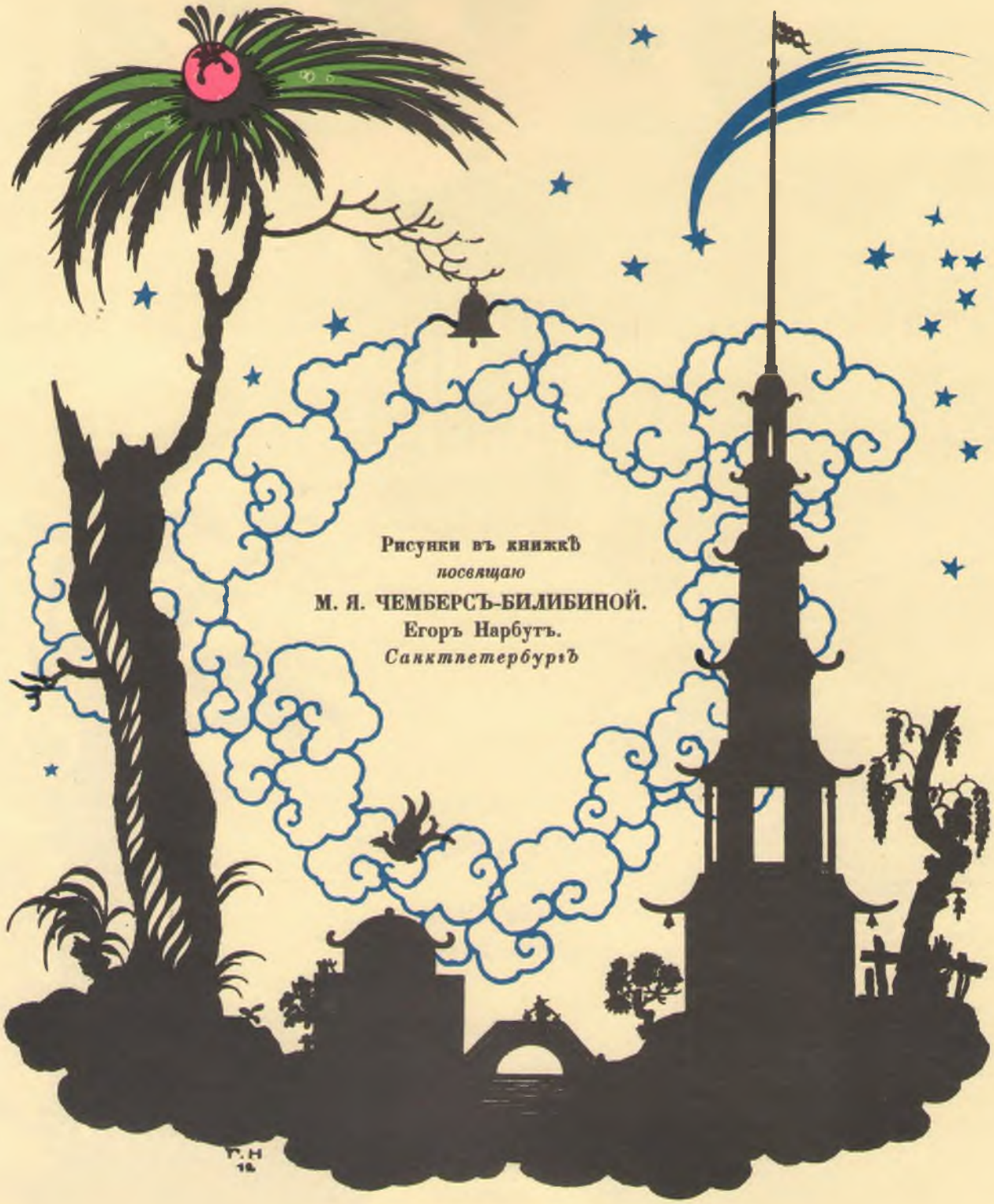
СКАЗКА

АНДЕРСЕНА.

РИСУНКИ

ЕГОРА НАРБУТЪ.

изданіе
І. КНЕБЕЛЬ
Москва.


Рисунки въ книжкѣ
посвящаю
М. Я. ЧЕМБЕРСЪ-БИЛИБИНОЙ.
Егоръ Нарбутъ.
Санктпетербургъ

То, что я хочу разсказать тебѣ, происходило въ Китаѣ. Тамъ, въ большомъ дворцѣ, жилъ китайскій императоръ, окруженный своей блестящей свитой. Дивно хорошъ былъ дворецъ императора! Весь онъ былъ сдѣланъ изъ самаго тонкаго фарфора, такого хрупкаго и нѣжнаго, что, казалось, легкое дуновеніе вѣтра могло разрушить его. И стоялъ этотъ дворецъ въ большомъ прекрасномъ саду. Какихъ только цвѣтовъ не было въ немъ! Красные, бѣлые, желтые... они наполняли весь садъ и восхищали каждаго, кто ихъ видѣлъ... Ихъ ароматъ опьянялъ, ихъ краски ласкали глазъ... Къ самымъ лучшимъ изъ нихъ были привязаны маленькіе серебряные колокольчики, которые звенѣли отъ малѣйшаго прикосновенія и наполняли садъ тихой, нѣжной музыкой. Далеко, далеко тянулся садъ и выходилъ прямо въ густой зеленый лѣсъ, стоявшій на берегу глубокаго синяго моря. Въ этомъ лѣсу, на вѣтвяхъ одного высокаго дерева, склонявшагося надъ моремъ, жилъ соловей. Каждый вечеръ, когда солнце начинало склоняться къ западу, онъ вылеталъ изъ своего гнѣзда и пѣлъ... Его чудесный, серебряный голосокъ разливался по всему лѣсу, такъ что рыбаки, выѣзжавшіе на рыбную ловлю, невольно останавливались и, слушая соловья, говорили: «Господи какъ хорошо!..» Въ городъ, гдѣ жилъ китайскій императоръ, пріѣзжало много путешественниковъ со всѣхъ концовъ свѣта. Всѣ они восхищались роскошнымъ дворцомъ, хвалили цвѣты, садъ, но, когда они, гуляя, заходили въ лѣсъ и слышали пѣніе соловья, они всѣ говорили: «А это—лучше всего!..» Возвратившись на родину, путешественники разсказывали о томъ, что они видѣли въ Китаѣ, и прежде всего начинали расхваливать соловья. «Это удивительно!—говорили они,—мы никогда не слыхали ничего подобнаго!» И они посвящали соловью цѣлыя книги, писали стихотворенія, въ которыхъ описывали удивительную птичку, живущую въ лѣсу на берегу моря. Однажды, одна изъ этихъ книгъ попала въ руки императора. Сидя на своемъ золотомъ тронѣ, онъ читалъ о томъ, какъ прекрасенъ его дворецъ, и съ удовольствіемъ кивалъ головой. Вдругъ онъ прочелъ: «А соловей тамъ всетаки лучше всего!..»

43 ОМСКАЯ ЦБ им. Ленина
ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ система государственных массовых библиотек

— Что это значитъ? — удивленно воскликнулъ императоръ. — О комъ это пишутъ? Что это за соловей, который живетъ въ моемъ саду и котораго такъ хвалятъ? Почему я никогда не слышалъ его? — восклицалъ императоръ и велѣлъ тотчасъ позвать къ себѣ своего главнаго камергера.

Когда камергеръ явился, онъ сказалъ ему:

— Оказывается, въ моемъ государствѣ есть замѣчательная птица, которая называется соловьемъ. Про нее пишутъ, что она лучше всего, что есть въ моей великой странѣ. Отчего же я до сихъ поръ ничего не зналъ о ней? Какъ это могло случиться?!

— Я тоже первый разъ слышу объ этой птицѣ, — отвѣтилъ камергеръ, — должно быть, она никогда не была представлена ко двору...

— Я хочу, чтобы она сегодня же вечеромъ была у меня во дворцѣ и пѣла въ моемъ присутствіи! Слышите? — гнѣвно воскликнулъ императоръ. — Подите и сыщите ее!..

Камергеръ покорно наклонилъ голову и вышелъ. Но онъ рѣшительно не зналъ, гдѣ искать ему соловья: кого онъ ни спрашивалъ, никто изъ живущихъ во дворцѣ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о такой птицѣ. Рѣшили, что книги врутъ, и что такой птицы не существуетъ.

— Ваше императорское величество! — сказалъ камергеръ, вернувшись во дворецъ. — Не вѣрьте тому, что пишутъ въ книгахъ, все это одна ложь; васъ обманываютъ, никакого соловья у насъ нѣтъ!..

— Этого не можетъ быть! — воскликнулъ императоръ. — Книгу, въ которой я прочелъ это, прислалъ мнѣ великій японскій императоръ. Значитъ, все написанное въ ней — правда!.. Итакъ, соловей будетъ сегодня вечеромъ у меня, или я велю колесовать весь дворъ!..

Печальный вышелъ отъ императора камергеръ. Всѣ придворные приходили въ ужасъ, когда онъ передавалъ угрозу императора, но, какъ ни старались, не могли нигдѣ найти соловья. Вдругъ одна маленькая крестьянская дѣвочка, сидѣвшая въ кухнѣ и слышавшая разговоръ о соловьѣ, сказала:

— О, я знаю его! Каждый вечеръ я долго стою на берегу моря и слушаю, какъ онъ заливается въ кустахъ. Да, онъ такъ поетъ, что плакать хочется и, кажется, всю ночь бы слушала его!..

Страшно обрадовался камергеръ, услыхавъ, что дѣвочка знаетъ соловья, и просилъ ее сейчасъ же свести ихъ къ нему. За это онъ обѣщалъ ей позволить посмотрѣть, какъ императоръ обѣдаетъ. И вотъ, всѣ они отправились въ лѣсъ, гдѣ жилъ соловей. По дорогѣ они услыхали мычанье коровы, и одинъ изъ придворныхъ, сказалъ:

— А, вотъ и соловей! Ну, какой же у него сильный голосъ, у такой маленькой птички! Однако, мы его и раньше слыхали не разъ...

— Да нѣтъ же, это коровы мычатъ!—сказала дѣвочка.—Соловей живетъ въ лѣсу, гораздо дальше.

Черезъ нѣсколько минутъ въ болотѣ раздалось кваканье лягушекъ.

— Чудо, какъ хорошо! — воскликнулъ придворный музыкантъ. — У этого соловья голосъ совсѣмъ точно серебряный колокольчикъ!

— Но вѣдь это же совсѣмъ не соловей!—засмѣялась дѣвочка.—Это—лягушки! Хотя теперь ужъ скоро мы услышимъ и соловья. Слушайте, слушайте!—прошептала она вдругъ. Вотъ это онъ! Видите, онъ сидитъ тамъ на вѣткѣ!

И она указала на маленькую сѣренькую птичку, сидѣвшую на деревѣ и распѣвавшую свои трели.

— Такъ вотъ онъ какой!—удивленно сказалъ камергеръ.—Какой некрасивый! Никакихъ красокъ! Навѣрное, онъ полинялъ отъ волненія, что видитъ передъ собой такую блестящую свиту,—сказалъ онъ, самодовольно улыбаясь.

— Соловушка!—закричала дѣвочка.—спой-ка что-нибудь этимъ людямъ, они хотятъ тебя послушать!

— Съ удовольствіемъ!—сказалъ соловей и запѣлъ чудную пѣсню.

— Боже мой, какъ хорошо! — тихо восклицали придворные. Это тоньше и нѣжнѣе всякихъ колокольчиковъ!.. О! императоръ будетъ очень доволенъ!..

И они съ удивленіемъ покачивали головами. Когда онъ кончилъ, старшій камергеръ обратился къ нему:

— Маленькій искусный соловей! Я имѣю счастье пригласить васъ сегодня вечеромъ во дворецъ. Нашъ всемилостивѣйшій императоръ желаетъ послушать вашъ восхитительный голосъ.

— Правда, я люблю больше пѣть въ лѣсу, подъ открытымъ небомъ, — отвѣтилъ соловей. — но, если императоръ желаетъ этого, я съ удовольствіемъ

T.H
11

буду у него. И онъ полетѣлъ вслѣдъ за придворными во дворецъ императора. Императоръ, со своей свитой, сидѣлъ въ залѣ, и противъ его трона возвышался золотой шестъ для соловья. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали знаменитую птицу. И вотъ, соловей, наконецъ, прилетѣлъ... Получивъ отъ императора привѣтливый поклонъ, онъ сѣлъ на приготовленный для него шестъ и запѣлъ... Его серебряный голосъ разливался по всей залѣ, точно тихая, нѣжная музыка... Всѣ слушали, затаивъ дыханіе, съ изумленіемъ глядя на маленькую сѣренькую птичку, точно не вѣря, что это поетъ дѣйствительно она. А соловей пѣлъ все лучше и лучше... Съ восторгомъ слушалъ его императоръ... Пѣсня соловья проникла ему въ самую душу, вызывая слезы на его глаза. Старый императоръ плакалъ... Когда соловей кончилъ — императоръ хотѣлъ въ награду за его пѣніе повѣсить ему на шею свою золотую туфлю, но соловей сказалъ:

— Я благодарю императора за эту честь, но мнѣ не надо никакого подарка, такъ какъ я уже и такъ получилъ его: я видѣлъ слезы императора, это—лучшее вознагражденіе для меня. Вѣдь, слезы императора—великая и рѣдкая вещь!..

Сказавъ это, соловей собрался, было, летѣть въ свой лѣсъ, но императоръ просилъ его остаться у него и устроилъ для него большую прекрасную клѣтку. Тяжело было бѣдному соловушкѣ примиряться съ новой жизнью! Сердце его рвалось на свободу, въ свой родной лѣсъ...

Между тѣмъ, весь городъ уже зналъ о соловьѣ, и всѣ только и говорили, что о немъ. При встрѣчахъ люди даже забывали говорить другъ другу «здравствуйте!». Они прежде всего восклицали «соловей!» и при этомъ вздыхали, многозначительно кивая головами...

Однажды императоръ получилъ откуда-то большой свертокъ, на которомъ было написано: «соловей».

— Вѣрно, еще какая нибудь книга о нашемъ соловьѣ,—сказалъ онъ. Но въ сверткѣ оказалась не книга, а коробочка, въ которой лежалъ маленькій искусственный соловей, удивительно похожій на настоящаго. Только онъ весь былъ украшенъ драгоцѣнными камнями, а на шеѣ у него была надѣта ленточка съ надписью: «Соловей императора японскаго — ничто въ сравненіи съ соловьемъ императора китайскаго». Этого соловья надо было заводить—и тогда онъ тотчасъ начиналъ пѣть. Весь дворъ былъ въ восторгѣ отъ чудесной игрушки, а вечеромъ императоръ пожелалъ, чтобы оба соловья спѣли что-нибудь вмѣстѣ. Но изъ этого ничего не выходило: игрушечный соловей пѣлъ, какъ заведенная машинка, безъ всякаго выраженія, вольная же, свободная пѣснь живого соловья не могла итти вмѣстѣ съ тактомъ машинки. Вмѣсто дружнаго пѣнія, они только мѣшали другъ другу. Тогда императоръ приказалъ, чтобы пѣлъ одинъ искусственный соловей. Тридцать разъ пропѣлъ онъ одну и ту же пѣсню, и всѣ готовы были слушать его еще безъ конца. Вѣдь, онъ такъ красиво блестѣлъ своими украшеніями, и при

томъ же нисколько не уставалъ! Императоръ былъ очень доволенъ. Наконецъ, игрушку остановили и рѣшили послушать теперь и живого соловья. Но гдѣ же онъ? Его клѣтка оказалась пуста... Пѣвецъ улетѣлъ въ свой любимый зеленый лѣсъ.

— Вотъ неблагодарная птица!—воскликнулъ императоръ, узнавъ, что соловей улетѣлъ.

— Ничего, у насъ есть теперь другой соловей, который гораздо лучше его!—утѣшали императора придворные.

И скоро всѣ забыли о прежнемъ любимцѣ. Съ утра до вечера раздавались теперь во дворцѣ однообразныя пѣсни искусственнаго соловья. Рѣшено было показать птицу всему народу. Въ слѣдующее же воскресенье ее завели передъ собравшимся народомъ. Успѣхъ былъ замѣчательный! Всѣ точно опьянѣли отъ удовольствія и въ одинъ голосъ восклицали:

— О!—и при этомъ подымали указательные пальцы вверхъ и кивали головами. Это была высшая похвала. Только одни рыбаки, слушая игрушечнаго соловья, тихо говорили:

— Онъ красиво поетъ, только всетаки въ немъ чего-то не достаетъ! А чего—мы не знаемъ!..

И имъ вспоминался другой соловей, который пѣлъ тамъ, на берегу моря, и отъ пѣсенъ котораго имъ такъ часто хотѣлось плакать...

Искусственному соловью было очень хорошо во дворцѣ. Онъ стоялъ на столикѣ, около самой постели императора, на мягкой, шелковой подушечкѣ, вокругъ него лежало много богатыхъ подарковъ. которые постоянно подносились ему, и при всемъ этомъ онъ носилъ почетный титулъ придворнаго пѣвца ночного столика. Иногда его раскрывали и смотрѣли, какъ вертятся колесики въ его животѣ въ то время, какъ онъ поетъ. Но вотъ, однажды вечеромъ, когда императоръ, лежа въ постели, слушалъ соловья, внутри птицы что-то вдругъ затрещало, всѣ колесики быстро завертѣлись и остановились... Онъ сломался!.. Тотчасъ же былъ позванъ докторъ, но онъ ничего не могъ сказать о болѣзни игрушки. Тогда позвали часовщика. Тотъ осмотрѣлъ машинку и сказалъ, что она сильно поломалась, и что онъ берется починить ее только съ тѣмъ условіемъ, что соловья будутъ заводить очень рѣдко, иначе онъ снова сломается. Очень опечалился императоръ и всѣ китайцы! Теперь они могли слушать соловья только разъ въ годъ. Прошло много лѣтъ, и вотъ однажды въ Китаѣ случилась большая бѣда: императоръ опасно захворалъ... Доктора говорили, что онъ умретъ... Какое горе! Императоръ, котораго всѣ такъ любили, при смерти! Онъ лежалъ въ своей роскошной, золотой постели блѣдный и неподвижный. Глаза его были закрыты, руки безсильно покоились на одѣялѣ... Вокругъ него все было тихо-тихо... Придворные рѣшили, что онъ уже умеръ, и потому никто больше не входилъ къ нему. Тяжелыя видѣнія терзали императора. Ему казалось, что на его груди кто-то

сидитъ. Онъ съ трудомъ раскрылъ глаза и увидѣлъ передъ собой Смерть. На головѣ ея была надѣта его корона, а въ рукахъ она держала его саблю и знамя. Съ ужасомъ глядѣлъ на нее императоръ и вдругъ увидѣлъ, что изъ всѣхъ складокъ бархатнаго полога на него выглядываетъ масса лицъ. Одни изъ нихъ были добрыя и ласковыя, другія же отвратительны и страшны. Они корчились и строили ему гримасы... Это были злыя и добрыя дѣла императора, которыя пришли напомнить о себѣ.

— Ты помнишь это? А про меня не забылъ? — шептали они одинъ за другимъ.

И холодный потъ выступалъ на лбу императора.

— Я не зналъ этого, не зналъ!..—стоналъ несчастный и, наконецъ, громко воскликнулъ:—Музыку сюда! Я хочу музыки!.. Пой же мнѣ, моя милая птичка!—обратился онъ къ соловью.—Отчего ты не поешь? Развѣ я мало награждалъ тебя?!..

Но соловей молчалъ. Вѣдь, его не завели, а самъ онъ пѣть не умѣлъ!

А Смерть все смотрѣла на императора своими страшными пустыми глазами, и во дворцѣ было тихо...

Вдругъ за окномъ раздалось чудное пѣніе. Это пѣлъ соловей. Онъ услыхалъ о болѣзни императора и прилетѣлъ изъ своего лѣса, чтобы утѣшить его и облегчить ужасныя страданія умирающаго. Онъ пѣлъ, и отъ его нѣжной, тихой пѣсни императору становилось легче, тяжелыя видѣнія постепенно отлетали отъ него, и грудь дышала свободнѣе. Даже Смерть съ удовольствіемъ слушала соловья и, когда онъ замолчалъ, она сказала:

— Продолжай же, продолжай, маленькій соловей!

— Хорошо, я буду продолжать,—отвѣчалъ соловей,—но прежде ты должна отдать мнѣ саблю, знамя и корону императора.

И онъ снова запѣлъ. А Смерть послѣ каждой новой пѣсни отдавала ему то, что онъ просилъ. Когда она возвратила такъ всѣ вещи, принадлежавшія императору, соловей началъ пѣть о кладбищѣ, гдѣ растутъ большія, красивыя деревья и зеленѣетъ густая трава... Слушая эту пѣсню, Смерть вспомнила о своемъ любимомъ кладбищѣ и ей захотѣлось скорѣе туда. Тихо поднявшись съ постели, она превратилась въ бѣлое облачко и исчезла изъ комнаты. Глубоко вздохнулъ императоръ и, открывъ глаза, взглянулъ въ окно.

— А, это ты, мой милый соловушка!—воскликнулъ онъ.—Я только сейчасъ узналъ тебя! О, благодарю, благодарю тебя, ты избавилъ меня отъ ужасныхъ мученій! Чѣмъ я могу отблагодарить тебя?

— Я уже получилъ награду,—отвѣтилъ ему соловей.—Еще тогда, когда я первый разъ пѣлъ тебѣ, я видѣлъ слезы въ твоихъ глазахъ. Это—лучшая награда для пѣвца. А потому,—прибавилъ онъ затѣмъ,—не думай больше обо мнѣ и

постарайся заснуть, это необходимо тебѣ, чтобы завтра встать здоровымъ и бодрымъ. Спи, а я буду убаюкивать тебя! И соловей снова запѣлъ. Крѣпко и спокойно спалъ императоръ, и, когда онъ рано утромъ проснулся, онъ почувствовалъ себя совершенно здоровымъ. Во дворцѣ все было тихо. Слуги были увѣрены, что императоръ умеръ, и потому никто не входилъ въ его комнату. А на деревѣ у окна еще сидѣлъ маленькій соловей.

— Останься у меня навсегда!—сказалъ ему императоръ.—Я не буду заставлять тебя пѣть тогда, когда тебѣ не хочется, но, когда тебѣ это будетъ пріятно, ты будешь пѣть мнѣ свои дивныя пѣсни. А эту гадкую птицу я разобью...— И онъ протянулъ руку къ столику, на которомъ стоялъ его недавній любимецъ. Но соловей остановилъ его.

— Не надо ломать его!—сказалъ онъ.—Онъ вѣрно служилъ тебѣ и теперь не виноватъ, что сломался. Оставь же его у себя. А я, я не могу жить у тебя во дворцѣ, я слишкомъ люблю свободу и не могу жить безъ нея. Но я обѣщаю, что буду прилетать къ тебѣ иногда, когда захочется, и буду пѣть тебѣ обо всемъ, что дѣлается на свѣтѣ. Я буду разсказывать тебѣ о томъ, чего ты не знаешь, что скрываютъ отъ тебя, буду пѣть о бѣдныхъ людяхъ, которые живутъ далеко отъ тебя и которые, несмотря на всю свою бѣдность, счастливы, быть можетъ, счастливѣе тебя. Я буду садиться на это дерево и утѣшать тебя въ тѣ минуты, когда тебѣ будетъ грустно. Но только я прошу тебя объ одномъ...

— Я сдѣлаю все, что ты захочешь!—воскликнулъ императоръ.

— Я прошу тебя не разсказывать никому о томъ, что у тебя есть другъ, который все говоритъ тебѣ. Повѣрь, что такъ будетъ лучше!

И, сказавъ это, соловей улетѣлъ. Въ эту минуту въ комнату вошли придворные, чтобы поглядѣть на своего умирающаго императора. А онъ стоялъ передъ ними и говорилъ:

— Здравствуйте!..

Факсимильное издание
Москва "Книга" 1989